

ПЕРЕКРЕСТОК ПУТЕЙ ВЕРЫ: КАК ВНЕШНЯЯ ИДЕЯ НЕ ПРИЖИЛАСЬ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ МУЗЕЕ

Наталья Литвина¹

В статье рассматривается опыт построения экспозиции в Верецагинском районном краеведческом музее, расположенном в городе, который является транспортным и промышленным центром Верхокамья — региона традиционного проживания староверов-поморцев. Содержание и структура экспозиции призваны были отобразить развитие традиционной культуры староверов-поморцев, новообрядцев и старообрядцев белокриницкого согласия в регионе, а также культуры периода «безверия» — второй половины XX века. Просветительской задачей экспозиции была демонстрация влияния религиозных и идеологических принципов на содержание и организацию повседневной жизни нескольких поколений верхокамцев в XX веке.

Экспозиция под названием «Перекресток путей веры» — короткий эпизод 2001–2002 гг. в истории Верецагинского районного краеведческого музея (Пермский край). И хотя прошло 20 лет со времени воплощения идеи, анализ внутреннего и внешнего проблемных полей проекта позволит актуализировать современные перспективы развития районных краеведческих музеев, особенно тех, что расположены в регионах с богатой этноконфессиональной историей.

Описание этой музейной работы требует достаточно пространного предисловия. В 1994 г. автор статьи была студенткой факультета музееведения РГГУ и впервые участвовала в комплексной археографической экспедиции МГУ в Верхокамье — регион, в котором староверы-поморцы проживали с конца XVII в., сохраняя богатый комплекс духовной и повседневной культуры. Экспедиции археографической лаборатории исторического факультета, проходящие

---

¹ Старший научный сотрудник, заведующая межкафедральной Археографической лабораторией исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

на этой территории регулярно с 1972 г. зафиксировали живое книжное наследие¹ и устную традицию староверов², сформировали территориальную книжную коллекцию в фондах Научной библиотеки МГУ (составившую приблизительно 1/6 от книг, описанных в домах староверов)³, коллекцию региональной материальной культуры в фондах Пермского краеведческого музея⁴ и в самой лаборатории. С 1993 г. в экспедициях принимали участие визуальные антропологи, постоянно пополняя видеофонд традиционной культуры Верхокамья⁵.

Руководитель исследований верхокамского старообрядчества и книжности д. и. н. И. В. Поздеева перед всеми студентами экспедиции ставила задачи не только археографического, но именно комплексного изучения культуры. Поэтому в ходе частых самостоятельных поездок мы жили у староверов, на собственных ошибках учились понимать, как себя вести, снимали видеохронику событий и повседневности, записывали многочасовые беседы, читали кириллические книги, участвовали в молениях, пели духовные стихи и свадебные песни, гадали и шуликали (колядовали) на Святки с местной молодежью, стряпали, ткали, пряли под руководством

¹ Поздеева И. В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М.: Изд. МГУ, 1982. С. 40–71.

² Никитина С. Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции... С. 91–126.

³ Рукописи Верхокамья XV–XX вв.: Каталог / Сост. Е. А. Агеева, Н. А. Кобяк, Т. А. Круглова, Е. Б. Смилянская. М., 1994; Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания XVI век — 1641 год: Находки археогр. экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в науч. б-ку Моск. ун-та. М.: Изд. МГУ, 2000. 404 с.

⁴ Димухаметова С. А. Материальная культура и ремесло русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 167–173; Она же. Мир вещей русских крестьян XIX–XX века: традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхокамья. Из собрания Пермского краевого музея: Каталог. Пермь: Пушкин, 2010. 446 с.

⁵ Литвина Н. В. Телевизионный архив традиционной культуры Верхокамья // Информационная база сферы культуры. № 1. 1998. С. 68–71.

заботливых бабушек, метали сено и пили овсяную бражку на традиционных «помочах». Все это убеждало нас, молодых москвичей, в том, что уж мы-то Верхокамье теперь знаем.

В 1996 г. я защитила диплом об отражении традиционной культуры старообрядцев в музеях Верхокамья¹, соруководителем которого была И. В. Поздеева. Значительная его часть отводилась представлению типологии кириллической книжности в экспозиции: Псалтирь и Часовник должны были послужить рассказу как о традиционном обучении грамоте, так и о домашней христианской дисциплине; Евангелие, Апостол, Минея на текущий месяц и Триодь (цветная или постная в зависимости от времени года), открытые на чтениях текущей седмицы, становились основой повествования о традиционном старообрядческом богослужении, возможно, об истории книжности, о догматическом отличии староверов-беспоповцев от поповцев и новообрядцев. Кроме того, методическим пожеланием было включение в экспозицию учительных книг, таких как популярный в Верхокамье Ефрем Сирин, возможно, часто встречающееся рукописное житие св. Марины, сборники эсхатологического содержания и др.

В конце 1990-х гг. я продолжала изучать старообрядческие традиции, работала в архиве и в Центре визуальной антропологии МГУ и искала удобный момент для годичной поездки в Верхокамье, предполагая испробовать на себе принятую западную методику погружения исследователя в изучаемую культуру, а также применить на практике результаты своего диплома. В 2001 г. Верещагинский краеведческий музей начал переезд в новое помещение, его молодой директор Е. С. Лыкова к этому времени прошла практику в экспедиции МГУ и защитила диплом об истории верхокамского старообрядчества, а в штате музея появилась ставка научного сотрудника. Совместно с Е. С. Лыковой мы написали проект новой экспозиции под названием «Дорога староверов» и подали его на конкурс в фонд «Открытое общество». Не дожидаясь результатов конкурса, я отправилась на год в город Верещагино — транспортный центр Верхокамья.

¹ Литвина Н. В. Возможности отражения традиционной культуры старообрядцев в музеях Верхокамья // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М.: Изд. МГУ, 1999. С. 198–216.

Проект не получил поддержки фонда, но позволил нам заранее продумать идею, структуру и принципы организации задуманной экспозиции и ряда сопутствующих мероприятий. Дорога, путь стали базовым мотивом, собирающим воедино многоликую религиозную историю региона, сам город Верещагино как местный миграционный центр в XX веке и Транссибирскую железнодорожную магистраль, пересекающую Верхокамье.

Период рубежа XX–XXI вв. нами рассматривался как очередной кризис в истории и местного старообрядчества, и города как транзитного пункта сельской молодежи в поисках заработка и лучшей жизни. Проблемы, стоявшие перед городом и районом, не отличались от проблем любой российской провинции с той разницей, что это — район традиционного расселения староверов-поморцев. Процессы, происходящие в старообрядческой среде, уже в 1980-е гг. московскими археографами оценивались как угасание традиционной культуры. Вслед за учителями и мы писали о том, что большинство верхокамцев являются староверами по крещению, и, хотя живы носители этой культуры, передавать ее уже фактически некому. Молодежь старается уехать из сел и обосноваться в городе, стремится в Пермь, но не всем удается закрепиться. Многие возвращаются, не находят постоянного заработка, спиваются. Пришлось признать, что просветительские идеи базовой книжной экспозиции не подходят для аудитории районного музея. Чтобы разобраться в нюансах старообрядческой духовности городскому посетителю мало будет одной экскурсии, да и заинтересовать такой темой сложно.

Книга была и остается основой православной культуры, но, вероятно, для традиционной старообрядческой среды особенно важной является личность старовера — молитвенника, объясняющего традиции и запреты, рассказчика, в повествовании которого притчи царя Соломона применяются к судьбе верхокамского рекрута, а свиток Иерусалимский в камне давеча упал на соседнее поле. Без книжника — мудрого, памятливого читателя и толкователя Писания и Предания, человека, знающего порядок службы, открывающего книги во время моления, традиционная старообрядческая

культура не будет наследоваться во всей полноте. Но в Верхокамье вера держится также и на малограмотных пожилых старообрядцах, привыкших каждое слово и действие проверять своей верой, проживающих день за днем в труде и мире с Иисусовой молитвой, приучающих к вере своих детей и внуков не столько поучением, сколько собственным примером. Чтобы понять духовное содержание такой жизни важно акцентировать сакральный смысл простых бытовых правил, которые наследуются в большинстве коренных семей верхокамцев, но содержание которых не всегда осознается молодым поколением.

На этапе проектирования экспозиции было решено, что подробный показ и толкование повседневности на основе предметной коллекции станет более коротким и доступным способом рассказа о духовной культуре, в сравнении с книжной выставкой. Просветительская задача при этом оставалась неизменной — попытаться сократить разрыв между поколениями, помочь внукам не просто понять своих бабушек, но осознать свой собственный путь.

В ходе работы мы пытались экспозиционными средствами показать, как история XX века отразилась в судьбах беспоповцев-поморцев Верхокамья, дорогу, пройденную староверами от начала прошлого до начала нынешнего веков, включающую и трансформацию традиции, и трансформацию сознания, и освоение опыта поколений нашими современниками. Музейный символический перекресток осмысливался нами как пересечение традиций в судьбе и душе каждого верхокамца, а город — как место выбора пути, позволяющий не единожды уйти и вернуться.

Поморскому староверию, пути старой веры в экспозиции мы отвели самое значительное место. На этом пути крещеный человек проживал четыре этапа. Детство в традиционных семьях проходило рядом с малыми и старыми. Часто у матери не было времени постоянно «водиться» с малышом, «вожатками» становились бабушки или девочки постарше, от семи приблизительно лет. «Робёнок» при бабушке обычно оставался «чистым», т.е. не смешивался в посуде с мирскими родителями, научался Иисусовой молитве, молился поклонами до и после трапезы, регулярно с бабушкой

ходил на моления, где дети чаще всего спали на полатах или под лавками. Второй этап — отрочество, когда паренька или девочку грамотные старушки обучали чтению «по старым книгам», учили молиться и петь, с самыми одаренными разбирали порядок соборного богослужения. В этот период в семье подростки «навыкали» выполнять основные хозяйственные работы. Девушки обязательно обрабатывали лен, ткали, юноши помогали обрабатывать землю, кто плел лапти и катал валенки, кто — работал с кожей и столлярничал. Следующий — мирский период, когда молодые люди по благословению родителей создавали свою семью, трудились, растили детей, подавали «милостину» соборным на помин души родственников и по праздникам ходили на соборные моления «по-мирски», то есть стояли сзади, совершали поклоны после того, как поклонились соборные. И четвертый период — главный. Годом к пятидесяти богобоязненные староверы совершали самый важный в своей жизни обряд — вступали в собор или, как говорят в Верхокамье, «кляли начал». С этого момента человек принимал для себя «запреты». Он должен был отказаться от любой «магазинской» еды, а есть только выращенное или добытое самостоятельно или единоверцами и только из своей посуды, не смешивая ее с посудой «мирских», пить воду только из «соборного» колодца, не употреблять медикаменты. Женщина могла ходить только в сарафане старого кроя, «дубасе», двух платках, двух поясках (внутреннем и внешнем). Кроме запретов соборный старовер должен был исполнять ежедневное домашнее молебное правило (грамотные еженедельно прочитывали Псалтирь), участвовать по мере сил в соборных молениях, принимать милостыню и обязательно ее отмаливать.

Уже в 1990-е гг. поморских соборов, т.е. сообществ верующих, строго соблюдающих правила и запреты объединенных территориально под руководством выборной духовницы или духовника (наставника/наставницы), было не более 20, а численность их редко превышала 25 человек. Однако мирские староверы не забывали поминать усопших и подавать милостыню, приглашать соборных («стариков») для крещения, отпевания, «влазин» (молебен на освя-

щение дома после постройки или ремонта), а также в отдаленной перспективе рассматривали для себя вероятность перехода в собор. Жизнь мирских постепенно становилась комфортнее, наполнялась современными элементами, но, как и прежде нельзя было стукнуть яйцо о стол, макнуть своим куском в солонку, оставить пустую посуду «пастью» (т. е. не перевернутой вверх дном или на бок), сказать в доме что-то плохое (только с приговором, вроде «не слушай, теплая избушка»), использовать банное ведро для воды в доме и многое другое. Каждому такому правилу или запрету есть духовное объяснение. Например, стол в домах староверов-поморцев стоит в красном углу, даже если иконы там появляются только по случаю приглашения стариков помолиться панихиду. Во время домашнего моления этот стол покрывают белой скатертью и на нем располагаются богослужебные книги. После моления скатерть сменяют на самотканую цветную и в центр сначала кладут хлеб и соль, затем лук, пирог, фрукты, в индивидуальные чашки соборных «льют» «перемены» — похлебки, каши, бражку и т. д. У беспоповцев нет священства, а значит и литургии, и престола в алтаре, а стол, на котором лежат богослужебные книги, служащий затем символической совместной трапезе для беспоповцев — Божья ладонь, поэтому нельзя допускать в отношении стола пренебрежительных действий — стучать по столу, протирать чем-либо кроме специальной тряпицы.

В хозяйстве мирских часто хранилось целое музейное собрание предметов верхокамской старины на тот случай, когда придет время идти в собор. Например, в Верхокамье часто можно встретить сита, сотканые из конского волоса с характерным клетчатым узором. Тут необходимо достаточно пространное пояснение. Мука относится к числу обязательных покупок соборных староверов, хлеб соборные выпекают сами на закваске, но староверских мельниц уже давно нет. Муку, изготовленную неизвестно где и кем необходимо «исправлять», чтобы ее смогли использовать соборные. До начала XXI в. верхокамские поморцы исправляли все, что только возможно, при помощи огня — калили в печи. Но для муки такой способ не годится, нельзя ее и промыть в проточной воде с Иисусовой молитвой

(как рыбу или изюм, например). Остается только просеять через «сорборное» или «чистое» сито, произведенное своими староверами. Если использовать покупное сито, в то время производимое из горючих материалов, его тоже нужно было бы исправить в печи. Существует верхокамская быличка о бабушке, которая купила пластиковые рукомойник, сунула его в печь исправлять и поразилась, когда он исчез. Последнюю мастерицу, ткавшую полотна для сита из конского волоса, мы снимали в 1994 году, ее станок мы получили у наследников для музея во время работы над экспозицией.

К нужным старинным вещам, хранящимся в хозяйстве мирских «на всякий случай» можно отнести глиняную утварь, в том числе огромные корчаги — для приготовления бражки и пива, белые и пестрядные самотканые скатерти — для моления и трапезы, старинные рубахи и дубасы, тканые пояски — повседневная одежда соборных, колодки и кочедыки — плести лапти «на смерть» (часть традиционной погребальной одежды), для тех же целей рулоны льняной ткани — шить смертное одеяние и многое другое.

Орудия труда, которые до настоящего времени можно встретить в хозяйстве бережливых староверов, говорят не просто о том, что верхокамцы до середины XX века, например, выращивали лен, владели синильной технологией и набойкой, ткали сложные в подсчетах скатерти на восьми ниченках «с кругами» (с геометрическим орнаментом, создающим оптическую иллюзию), но о важности духовных правил, исполнение которых обеспечивалось силами натурального хозяйства, торговли и обмена между своими единоверцами. Льняная ткань нужна была для повседневных и ритуальных потребностей соборных староверов, из льняной ткани до сей поры шьют лестовки, нити используют для изготовления свечей, для опояски (нательного пояса, который наряду с нательным крестиком старовер должен носить всю жизнь). Сдерживаемые аскетическими правилами, мастерицы тем не менее использовали украшения и узоры, зачастую очень трудоемкие, которые также содержали христианскую символику.

Таким образом, половина зала, посвященного перекрестку путей веры, начиналась с показа хозяйства старовера: за фрагментом

забора мы разместили сельскохозяйственные орудия, позволяющие рассказывать, как о тяжелом труде, важном для духовного укрепления, о мужских занятиях, так и о выращиваемых культурах, о рационе и системе питания, о календаре, в том числе православно — постах и «промежговенье» (мясоедах). Затем череда женских инструментов — сновальня, кросна (ткацкий стан), рубели, чесалки, самопрялка и расположенные на лавке прялки, веретена, топки (деревянные плашки) для плетения поясков, лубяной короб с приданым, а также станок для тканья сита — продолжали рассказ о женских занятиях, подготовке к замужеству, об особенностях беспоповской верхокамской свадьбы, о женских судьбах старообрядок в XX веке. Переходом к молению как неперенной части жизни старовера служили два простых женских манекена, первый в костюме молодухи — цветной рубахе, цветастом ситцевом сарафане, пояске и ярком платке-подшалке, второй, ближе к «красному углу», в костюме соборной. Мы отказались от типичного оформления красного угла традиционными литыми иконами, отгородив угол большеразмерной фотографией духовницы, возжигающей свечи в красном углу во время моления. Перед фотографией поставили стол, покрытый белой молебной скатертью, на которой расположили несколько книг — в традиционной наволоке (способ хранения в мешочке, сшитом в размер книги) и без нее, с разноцветными закладками, а также полураскрытые (как принято у староверов) Псалтирь и Минею. Эта композиция позволяла, в зависимости от аудитории, кратко или подробно говорить о специфике духовной культуры верхокамского беспоповского старообрядчества, истории, книжности и духовной культуре. Следом расположился телевизор с видеоманитофоном и подборкой видеосюжетов о тканье сита из конского волоса, плетении пояска, шитье лестовки, а также фрагментами моления, пения духовных стихов и краткими биографическими рассказами.

Этот телевизор в период, когда компьютеры в провинции были новинку, помимо задачи знакомства с живыми картинами старообрядческой культуры выполнял символическую функцию, олицетворяя наступающую унифицирующую цивилизацию. У телевизора мы

любили рассказывать историю, как застали соборную старообрядку за просмотром фильма «Кинг-Конг жив» по телевизору, прикрытому обрезком прозрачного целлофана. Бабушка сказала, что смотрит на пакет, а не в телевизор, поэтому правила не нарушает, но кино про обезьяну очень интересное.

За телевизором размещалась экспозиция, посвященная культуре верещагинцев в XX веке. Первый интерьер был сформирован из предметов быта зажиточной части населения пристанционного поселка конца XIX — первой половины XX вв.: буфет, напольные часы, напольное зеркало с подзеркальником. В основном этот социальный слой составляли прихожане православной церкви Александра Невского, построенной в 1906 г. неподалеку от железнодорожной станции Вознесенская. На гостиный столик рядом с подсвечником и фотоальбомом мы положили синодальный молитвенник. В интерьере также расположились швейная и вязальная машины, патефон, печатная машинка и самовар. Небольшая, но яркая композиция позволяла говорить с посетителями о том, чем была железная дорога для человека в начале XX века, об идее путешествия, о светской культуре, прибывшей по железной дороге, о духовном и экономическом контрасте с деревней. Здесь в повествовании об истории религиозных направлений, ушедших в историю и закрепившихся в регионе, мы рассказывали не только о православной миссии, активно действовавшей в Верхокамье в XIX веке, но и о других старообрядческих согласиях, вступавших в полемику с местными поморцами. Одним из наиболее активных направлений старообрядчества с конца XIX — начала XX вв. распространяющих свое влияние на территории региона стало белокриницкое согласие. Ближайший к станции белокриницкий приход был зарегистрирован в 1905 г., устойчивое развитие белокриницкой общины в Верещагине начинается в 1940-е годы, а современная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца была освящена в 1993 г. Однако как раз в 1990-е годы миссия белокриницкого священника Валерия Шабашова среди поморских староверов в условиях очередного духовного и экономического кризиса имела определенный успех.

Второй интерес представлял жизнь горожан 1960-х гг. со всеми традициями и условностями советского периода, когда в результате атеистической пропаганды религия ушла из внешней жизни людей. Уезжавшие из колхозов под любым предлогом молодые люди старались получить среднее специальное образование и работу на производстве. Селились в общежитиях, снимали углы и сразу старались обустроить уют подручными средствами. В представленных в музее фрагментах кухни и комнаты была этажерка с книгами и вереницей слоников, радиола, вязанные крючком салфетки, занавесочки с вышивкой ришелье, кружевной подзор и накидка на подушки, панно с оленями на стене над железной кроватью.

Таким образом, развитие традиционной культуры трех конфессий и культуры периода «безверия» должны были по замыслу кураторов продемонстрировать влияние религиозных и идеологических принципов на содержание и организацию повседневной жизни нескольких поколений верхокамцев в XX веке.

В условиях самого начала эпохи Интернета мы сумели распространить новость об открытии экспозиции¹, однако даже сделать достойный фотоотчет в то время для нас оказалось невозможно. Необходимостью расширять и просвещать аудиторию, побуждать краеведов к сотрудничеству, было вызвано создание печатного издания альманаха «Музей Верхокамья», который выдержал шесть 12-страничных выпусков. На страницах альманаха авторы касались истории местного старообрядчества, самых разных аспектов духовной культуры, биографий известных в Верхокамье староверов, публиковались путевые заметки, архивные материалы, новости музейной жизни.

В условиях районного музея и постоянного присутствия сотрудников, способных провести экскурсию, даже случайные одиночные посетители получали экскурсионное сопровождение. Были разработаны три адаптации экскурсий — для школьников (основная аудитория музея), взрослых, малознакомых с местной традиционной культурой и специальных посетителей — старообрядцев

---

¹ Перекресток путей веры [Электронный ресурс] // Новости музеев, 2002. URL: <http://museum.ru/N8176> (дата обращения 26.04.2021).

и новообрядцев, которых интересуют детали местной истории и религиозной специфики. Школьникам больше всего нравилось, когда мы разрешали подержать в руках занятные предметы — расчесаться традиционной щетью, почесать шерсть между двух чесалок, попробовать в работе самопрялку, посидеть за «кроснами» и т. д. Реакцию рядовой взрослой аудитории вызывало узнавание: а у нас в деревне это есть/было, а мы в детстве тоже из такого ручкомойника умывались, таким токмарем у нас в деревне печку били, такие деревянные вилы были у бабушки. Но большого интереса все наши усилия по наведению символического моста от бытового к духовному у посетителей не вызывали. Специальные посетители заглядывали в музей довольно редко, но были самой благодарной и заинтересованной аудиторией. Для них я с радостью рассказывала не только все, до чего мы додумались во время строительства экспозиции, но и содержание своего диплома. Воскресной школе белокриницкой старообрядческой общины с. Бородулино было любопытно подробнее узнать о своих соседях — поморцах, прихожанам храма Александра Невского — о староверах, с редкими соборными староверами, приходящими скорее не в музей, а ко мне в гости, мы обсуждали судьбу старообрядческой молодежи и возможности выхода из духовного тупика.

Взрослые горожане-верещагинцы, заходя в музей, предполагали краткое развлечение. Попытки навязать интеллектуальную деятельность человеку, пришедшему после работы в музей просто потому, что пойти в городе особенно некуда, заранее были обречены. Единственный способ достучаться до взрослых появлялся только тогда, когда они приходили с детьми. В этом случае взрослые сотрудничали с нами в попытке просветить своего ребенка, рассказывали истории из жизни, показывали, как работать инструментом, восхищались интерьером 1960-х годов: посмотри, у меня было тоже и то, и это.

Осенью 2002 года, получив значительный опыт и музейщика, и антрополога, я вернулась в Москву. Вскоре узнала, что в Верещагино привезли платную выставку восковых фигур, для размещения которой демонтировали наш «Перекресток». В отличие от «пу-

тей веры» восковые фигуры вызвали ажиотаж и принесли доход. После отъезда гастролеров наша выставка стала набором вещей крестьянского быта, превратилась в этнографическую, не задающую вопросов, зачем пахали и пряли, почему жили именно так, а перечисляющую предметы и их назначение.

С тех пор музей стал музейно-культурным центром и снова сменил помещение. Современная организация культуры на местах требует от музейщиков быть немного театральными артистами, помещение бывшего дома пионеров как раз отвечает этим задачам. Нынешний Верещагинский музей в отличие, например, от своего Сивинского соседа, сумел создать в Интернете виртуальный тур по музею¹, однако и здесь — перечень предметов с добросовестными, насколько это для музея возможно, этикетками.

Когда я планировала свой длительный выезд в Верещагино и на музейной конференции озвучила этот проект, известный историк и музейевед В. Ю. Дукельский охарактеризовал мой план как провальный, потому что для реализации долгосрочного культурного проекта в районе руководить им должны из области.

FAITH CROSSROADS, OR HOW THE OUTER IDEA DID NOT MAKE IT IN PROVINCIAL MUSEUM

Natalia Litvina

The paper deals with an experience of exhibition planning in Vereschagino local museum, which is situated in the transport and industrial center of Verhokamyë, the traditional region of old-believers (pomory) habitation. The exhibition content and structure intended to depict the traditional culture diversity among pomory, new rite followers, and old-believers of Belokrinitskaya hierarchy in this region, as well as 'faithless' culture of the 2nd half of the XX century. The educational aim of the exposition was to demonstrate the influence religious and ideological principles had on everyday life's content and organization for several generations of Verhokamyë in the XX cent.

¹ Виртуальный тур по музею [Электронный ресурс] // Верещагинский музейно-культурный центр. URL: <https://tenzori.com/tour/41599/tour.html> (дата обращения 26.04.2021).